

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 3 de junio de 1969

Буэнос Айрес, вторник 3 июня 1969 года № 1006

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

372. СТРАННЫЙ МОР СРЕДИ СОВЕТСКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА. — СССР МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ. — ПРЕССКОНФЕРЕНЦИЯ МИЛОВАНА ДЖИЛАСА. — ХУЛИГАНСТВО В ГАДАУТЕ. — “ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА” И “МОСКВА” ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ТРАВЛЕ “НОВОГО МИРА”. — ОБВАЛ В ПАМИРЕ. — ГЕНЕРАЛЫ ПРОДОЛЖАЮТ УМИРАТЬ.

Что творится в высших кругах советской армии? Отсутствие свободы печати и засекречивание всяких событий вынуждает идти по пути всяких предположений и догадок, возможно, неправильных.

Постараюсь поделиться с читателями тем, что можно считать установленным. Загадочные выстрелы у Боровицких ворот позволяли думать, что это был террористический акт. До сих пор советская печать хранит молчание о следствии по этому делу. Будь это акт неуравновешенного одиночки об этом давно бы оповестили. Но молчание заставляет полагать, что это дело рук организации, повидимому, военной, о которой советское правительство не желает ничего сообщать.

Далее — непонятная отмена военных парадов во всех городах СССР, которая была решена только за неделю до “праздника”. Были же на это какие-то причины, которые надо скрыть от народа и от Запада!

Наконец, поражает мор на советских генералов, начавшийся во второй половине апреля и длившийся три недели. Не вдаваясь в подробности, я дам перечень умерших генералов:

1. Генерал армии Валентин Антонович Пеньковский (о нем писал в прошлый раз).

2. Генерал армии Мариан Иванович Пспов, 66-ти лет начальник штаба пехотных войск, трагически скончался 22 апреля при исполнении служебного долга.

3. Генерал-майор Анатолий Кадомцев, 49-ти лет “трагически погиб” при исполнении служебного долга на посту начальника отдела противовоздушной обороны СССР. Место, день и обстоятельства трагической смерти держатся в тайне.

4. Генерал-лейтенант Александр Дмитриев 58-летний член совета и начальник политотдела Северо-Кавказского Военного Округа в Ростове на Дону (дата смерти не указана, о служебном долге и “трагедии” на этот раз не говорится).

5. Генерал-лейтенант Игорь Иванович Антонов 57-ти лет, начальник политуправления противовоздушной обороны СССР, скончался “после краткой, но тяжелой болезни”.

6. Генерал-лейтенант Болеслав Коневич, 50 лет, зам. нач. Главного Управления Министерства Обороны, якобы умерший еще 10 апреля, о смерти которого почему-то сообщено с опозданием на неделю.

7. Генерал армии Андрей Струев, 75 лет, скончался 19 апреля.

8. Генерал-лейтенант Найденов, 71 года, умер 23-го апреля.

9. Генерал-лейтенант Русаков, умер 26-го апреля.

10. Генерал армии Евгений Смирнов 51 года, начальник Главного Управления Министерства Обороны, скончался 8-го мая после краткой болезни.

11. Генерал-лейтенант бронетанковых войск Август Немме. В его некрологе не указан возраст или болезнь, но сказано, что он во время войны работал по организации польской коммунистической армии ген. Беринга, а потом находился

на польской военной службе под командованием маршала К. К. Рокоссовского и с ним же вернулся в Россию. Поэтому его некролог подписан также какими-то польскими генералами — боевыми товарищами по годам войны и дальнейшей службы в Польше.

12. Генерал-майор Николай Силаев, умер 49 лет. Не сообщены никакие данные о его боевой службе.

Это поразительное количество смертей среди генералитета, причем погибли два политических комиссара — генералы Дмитриев и Антонов, ведет к разнообразным предположениям. Можно, например, полагать, что все они погибли при какой-нибудь авиационной катастрофе или при разрыве снаряда на маневрах, куда были командированы во главе генералом армии Пеньковским, но для маскировки о их смерти сообщили не сразу, а на протяжении нескольких дней. Предполагается, что они даже могли быть жертвой террористического акта на маневрах в Чехословакии или в Польше войск Варшавского пакта, ибо на такие маневры могут быть приглашены и генералы противовоздушной обороны и комиссар. Я этого не думаю, ибо катастрофа или террористический акт вне пределов России стал бы сразу широко известен на Западе. Читатели могут вспомнить аварию советского самолета с военной миссией под Белградом 19-го октября 1964 года, когда погибли член ЦК и командующий противовоздушной обороны СССР маршал авиации С. С. Бирюзов или авиакатастрофу 24-го октября 1960 года с гибелью начальника баллистической артиллерии маршала артиллерии М. И. Неделина. Такие катастрофы скрыты невозможно и о них появляются официальные сообщения. Поэтому отвергаю эти гипотезы и скорее готов принять другую: что-то неладное творится в военных кругах, поэтому решено войска не выводить на первомайский парад (чего никогда с 1918 года не случалось); следствия КГБ под прямым руководством ЦК вызывает на допросы разных генералов, из которых некоторые стреляют-

ся, запутавшись на допросе и опасаясь ареста, а другие более пожилые погибают жертвой сердечного припадка. Конечно, это может быть случилось только с некоторыми из них, а другие просто умерли естественной смертью от старческого недуга. Но тут интересно отметить, что ни один из 12 генералов не был в отставке, а все находились на действительной службе.

Внешняя политика СССР представляет собой маятник, качающийся между Вашингтоном и Пекином: с одной стороны СССР в угоду США советует старому “дяде Хо” (Хо Ши Мину) хоть на словах пойти навстречу американцам и не требовать от них безусловной капитуляции и увода всех войск “агрессора” из Вьетнама, но с другой стороны Косыгин звонит в Пекин и просит сговориться о мире, на что получает ответ, что такие вопросы по телефону не решают. Затем Громыко шлет одну за другой две ноты, предполагая возобновить переговоры о судоходстве по Амуру и Уссурью. Пекин соглашается вести эти переговоры в Хабаровске как раз в начале июня, когда Брежнев собирает всемирную встречу компартий для осуждения Китая и исключения его из братской семьи компартий.

Тем временем китайцы посылают крестьян со стадами на советскую территорию Казахстана. Пограничная стража их пропускает, принимая за политических беженцев, но за ними являются китайские войска, занимающие кусок советской территории. Советские войска их не трогают, чтоб избежать нового конфликта, хотя они не собираются уходить. Это опасно для престижа СССР: излишнее миролюбие принимается обычно за трусость и китайцы пойдут несомненно на новые провокации. Тем временем Косыгин едет на похороны президента Индии и здесь убеждает Индиру Ганди, что поставленное СССР Пакистану оружие не обратится против Индии, которую он склоняет к военному союзу против Пекина.

В середине мая отправляется в Сев. Корею Подгорный, чтоб убедить Ким Ир Сена не отвергать дружбы СССР во имя союза с Пекином. Обе поездки: Косыгина в Индию и Подгорного в Корею, где обострился конфликт с США после уничтожения над открытым морем американского разведочного самолета вызвали враждебные нападки Пекина, который держит СССР под угрозой новых сюрпризов к моменту съезда (5-го июня) делегаций компартий; среди них не будет делегаций Югославии, Кубы, Сев. Вьетнама, Сев. Кореи, которые относятся-

Основанием российской государственной идеи является Православная вера, понимая Православие не только и не столько “религией большинства русского народа”, сколько религиозно-нравственной основой русского национального государственного творчества.

Иван СОЛОНЕВИЧ

ся отрицательно к антипекинским маневрам СССР.

Политика СССР запуталась в трех союзах: Вашингтон, Пекин и Белград. Нельзя усиливать угнетение Чехословакии и травить Зап. Германию при попытках сближения с Вашингтоном, нельзя договариваться с Пекином и вести на китайском языке радио-кампанию за свержение “троцкистского фашиста” Мао Тзе-тунга. Настоящего сотрудничества с США не получается, как не удается сговориться с Мао Тзе-тунгом. Эти колебания приносят отрицательные для Кремля результаты: Западная Германия усиливает экономическое сотрудничество с Пекином, поставляет оборудование и посылает инженеров для его монтажа. Отсюда один шаг до отправки оружия и военных инструкторов, которые могут помочь Пекину нанести такой удар на Востоке, что СССР сам уведет войска из Вост. Германии. Здесь можно провести историческую параллель: в 1860-70 г. г. французский гарнизон Наполеона III не позволял итальянцам овладеть Папским Римом, но нанесенные немцами летом 1870 г. поражения вызвали отзыв французского гарнизона и папский Рим был захвачен итальянцами. Так и уход советских войск из Вост. Германии в случае войны на Дальнем Востоке сразу приведет к падению правительства советского холопа Ульбрихта и воссоединению обеих Германий.

На днях я присутствовал на докладе знаменитого Милована Джиласа. Напомню читателям, что этот 55-летний разоблачитель коммунизма, еще 19-ти лет вступил в подпольную компартию и отбыл три года королевской тюрьмы, по выходе из которой реорганизовал с Тито компартию в подполье и работал в Коминтерне в Москве. С началом войны вернулся в Югославию и организовал партизанщину, с 1943 по 1953 год был правой рукой Тито; затем с ним разошелся и с 1954 года исключен из партии, с 1956 г. в заключении в Сремской Митровице. Проведя в заключении семь лет, эмигрировал; автор антикоммунистических книг: “Беседы со Сталиным”, “Новый класс” и др. Худой и состарившийся Джилас объяснял, что всякая революция приводит к власти совершивший ее класс; коммунисты свергли власть имущие классы, чтоб создать бесклассовое общество, но сами создали свой правящий класс: коммунистическую бюрократию с примкнувшим классом беспартийного генералитета, чиновничества и ученых. Класс “феодалов” и буржуазный класс опирались на свою частную собственность, коммунисты же заменили ее государственной собственностью, на словах принадлежащей народу, а на деле — правящей партийной верхушке. Джилас жестоко бичевал Ленина, Сталина, Хрущева и Тито, а также Мао и Кастро, которые, по его словам, изменили своим программам. Но он не сумел объяснить, как же они могли бы

• СУДЫ НАД КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ

В Советском Союзе готовится новая серия политических судебных процессов против представителей крымских татар. По последним сообщениям из Советского Союза, первый суд уже состоялся 28-29-го апреля в городе Симферополе, где судили инженера-мелиоратора Гамера Баева. Суд над Баевым должен был состояться еще 23-го апреля, но в этот день перед зданием суда собралась большая группа крымских татар. Власти перенесли суд на 28-ое, а часть собравшихся татар арестовали. По словам свидетелей, присутствовавших в зале суда, Баев отказался признать предъявленные ему обвинения и в своем последнем слове мужественно перечислил незаконные действия властей, которые препятствуют крымским татарам вернуться на родину в Крым. Баев сообщил, что власти Украинской ССР под предлогом нехватки жилой площади выселяют из Крыма даже тех татар, которые вернулись туда по собственной инициативе, и успели обзавестись домами. Баев заявил, что никогда не прекратит борьбы против этих незаконных. Суд приговорил его к двум годам тюремного заключения по обвинению в “антисоветской пропаганде и агитации”.

По сведениям, поступившим из Советского Союза, после 4-го мая в Ташкенте состоится еще один суд, на этот раз над десятью представителями крымских татар. Суд, назначенный ранее на 28-ое апреля, был отложен по настоянию защиты.

иначе поступить? Они создали свой государственный аппарат, армию, органы государственной безопасности, без которых не смогли бы удержать власть ни на год, а это неизбежно повело к созданию нового правящего класса, который эксплуатирует народ, работающих на него колхозников, совхозников, рабочих и служащих, лишив их свободных профсоюзов, свободы выбирать место жительства и работы и даже права свободно высказывать свои мысли. Данные Джилас об угнетении народа в СССР и в меньшей степени или более осторожной форме в Югославии не поведали нам ничего нового, но подтвердили, что коммунистический строй не может быть иным, не может эволюционировать, ибо следствием подобной эволюции было бы его падение.

Джилас произвел впечатление действительно бескорыстного идеалиста, который и в тюрьмах сидел и в партизанщине застрелился в отношении своих же братьев во имя будущего коммунистического счастья, но, убедившись в том, что коммунизм счастья не принес, ушел от народа класса хищных угнетателей народа и снова начал свои тюремные мытарства, а после них стал на путь политической эмиграции.

Отвратительный случай хулиганства произошел в Гадауте, маленьком курорте в 43-х километрах от Гагры на Кавказском побережье Черного моря. Гадаут входит в пределы Абхазской автономной республики, в свою очередь входящей в Грузинскую союзную республику. Группа туристов из России решила не селиться в санатории, а провести лето на берегу моря, живя в палатках в парке недалеко от прекрасного песчаного пляжа.

Под вечер туда явилась компания пьяных абхазцев. "Гости" навели свои охотничьи ружья на мужчин, которые не посмели сопротивляться и на их глазах двое изнасиловали их жен при плаче двух перепуганных детей. Пока они под смех товарищей насиловали этих двух русских туристов, третья сумела в полутьме убежать из палатки на дорогу и добралась до ближайшего поста милиции. Милиционер поднял тревогу и из советского курорта Новый Афон (дивный монастырь, основанный в конце прошлого века и обращенный большевиками в курорт) поспешили милиционеры на автомашине. При приближении автомобилей абхазцы бежали в свое село на ближайшей горе. Всех жителей села забрали в милицию и среди них москвички и их перетрусившие мужья узнали насильников. Абхазцы Акбар Дикирдинов и Махмуд Заламаев были приговорены к расстрелу за изнасилование обеих туристок, а напугавшие трех мужчин (мужья изнасилованных и третьей, сумевшей поднять тревогу) своими охотничьими ружьями абхазцы были все (их было четверо) приговорены к концлагерям строгого режима на десять лет каждый. Советская печать не хотела обнародовать этот случай уголовной хроники, но потерпевшие сами просили об этом случае информировать без указания фамилий пострадавших женщин. Сообщение напечатано в малоизвестном органе Комитета Государственной Безопасности "Страж Родины". Надо сказать, что опубликование подобного случая сильно вредит интересам популяризации туризма. Поэтому снова прибегли к расстрелам, чтоб дать показательный урок хулиганствующей молодежи.

Кампания против "либерального" ежемесячника "Новый мир" усиливается. Цензура заставляет выходить ежемесячник с опозданием: февральский номер 2-й, сданный в цензуру 2-го января, получил разрешение цензуры лишь 20-го марта, причем возможно, что пришлось заменять статьи другими, чтоб номер вышел в своем обычном объеме 18 печатных листов. В нем находим продолжение статьи академика С. Б. Веселовского: "Род и предки Пушкина в истории". Из второй части статьи узнаем, что четыре Пушкина подписались под грамотой об избрании Царя Михаила Феодоровича, чем гордится поэт в своей "Родословной", но оказывается (чего не знал поэт), что десять Пушкиных подписали грамоту об избрании на престол Бориса Годунова, которого Пушкин развенчал в своей драме. В номере помещены воспоминания Твардовского о "зимней" Финской войне 1939-40 г. г., в которой поэт участвовал военным кор-

респондентом и во время которой начал писать первые главы своего "Василия Теркина". У меня впечатление, что эти необработанные записи вставлены в номер, чтоб заткнуть брешь, пробитую цензурой изъятием какого-то другого произведения. Не только в "Октябре", но и в журнале "Москва" и в "Литературной газете" идет резкая критика журнала. Застрельщиком выступает критик Меченко, обвиняющий "Новый мир" в нарушении ленинского принципа партийности литературы. Он открыто говорит, что советский "реализм" заключается не в описании повседневной жизни с ее отрицательными явлениями, а в воспитании читателей в духе коммунизма. Меченко пишет, что после XX съезда партии в связи с осуждением культа личности писатели — сотрудники "Нового мира" — стали изображать извращения эпохи культа, как основное явление советской жизни, как будто в эпоху и после нее были только одни отрицательные явления, аресты и казни честных людей, а не было всяких грандиозных достижений, всяких новых гидростанций и заводов.

Меченко намекает, что все эти повести и романы, описывающие всякие злоупотребления и несправедливости сталинской эпохи, направлены на падение авторитета партии и на замазывание злодеяний, которые дало народу социалистическое строительство. Недавний пример Чехословакии, говорит Меченко, показал, что скрывается за этой критикой злоупотреблений сталинской эпохи: там тоже начали с критики злоупотреблений эпохи Новотного, а кончили прямой контрреволюцией и антисоветской пропагандой, как это было 15 лет тому назад в Венгрии.

Недаром такая критика сталинской эпохи, продолжает Меченко, находит одобрение и на Западе и в югославской печати. На Западе рады подхватить любую расказ Солженицына. Хвалят же якобы Солженицына не за его литературные произведения, а за его письмо съезду писателей, в котором он жалуется, что у него якобы отобрали при обыске рукописи тех произведений, которые потом попали за границу.

Меченко дальше пишет, что эмиграция и с нею югославские критики потрясают своими требованиями "свободы творчества" и "свободы печати", как пекинские маоисты потрясают книжками с заветами Мао Тзе, думая этим напугать верных КПСС коммунистов как в России, так и сочувствующих им в Китае.

"Москва" нападает на "Новый мир" за крипику стихов сталинца С. В. Смирнова и поднимает вопрос о том, как смеет "Новый мир" переступать указанные партией границы критики сталинской эпохи. Резкий тон "Москвы" говорит о том, что успех "Нового мира" среди интеллигенции вызывает опасения властей, которые могут, как это бывало в прошлом сменить весь состав редакции с заменой его сталинцами.

11-го мая в советской печати появилось официальное выражение соболезнования ЦК КПСС, совета министров СССР и Президума Верховного Совета рабочим, работникам, специалистам и служащим совхоза "Кангурт" Советского района Таджикской ССР, из которого узнаем, что в результате длительных и обильных дождей произошел обвал горы на вышеназванный совхоз, который повлек за собой человеческие жертвы. "Особое соболезнование и сочувствие выражается семьям и родным погибших по поводу тяжелой безвременной утраты дорогих им родных и близких". В заключение сообщается, что правительство СССР и местные органы Таджикской республики принимают меры по ликвидации последствий обвала и оказанию помощи пострадавшим.

Это сообщение позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Размеры катастрофы не позволили ее скрыть: о ней заговорили в столице и потому ЦК и совет министров решили выпустить это сообщение.

2. Совхоз, в котором работали и жили сотни работников с семьями, пострадал настолько, что разрушения требуют работ по ликвидации последствий, как осторожно говорится в сообщении, а количество жертв должно быть так велико, что его не решаются назвать, но не смеют, как это было при землетрясении в Ташкенте, писать, что погибло всего четыре человека.

3. Не допуская иностранных журна-

Генерал Григоренко

7-го мая в Ташкенте органами КГБ был арестован известный общественный деятель, бывший генерал-майор Петр Григоренко. Он приехал в Ташкент 4-го мая, чтобы участвовать в судебном процессе по делу крымских татар в качестве общественного защитника.

Незадолго перед тем Петр Григорьевич Григоренко получил из Узбекистана письмо от крымских татар с просьбой выступить на суде в защиту их несправедливо арестованных земляков. Это письмо подписали две тысячи человек. Надо знать генерала Григоренко, чтобы понять единственную возможную для него реакцию. И хотя сотрудники КГБ в Москве угрожали ему арестом, если он поедет в Ташкент, Григоренко пренебрег грозившей ему лично опасностью и поехал защищать интересы других людей. Обвиняемых за антисоветскую деятельность, представителей крымских татар судят на ряде процессов. Крымские татары уже давно ведут борьбу за свое законное право на национальную жизнь, за право возвращения на свою родину. В этой борьбе на стороне крымских татар участвовали писатель Костерин и генерал Григоренко.

Кто же он такой Петр Григоренко? Общественность столицы впервые услышала о нем в начале 60-х годов. До этого он служил в военной Академии им. Фрунзе, сперва преподавателем, а затем заведующим кафедрой кибернетики. Выйдя в 1961 году в отставку, генерал Григоренко не стал как многие другие пенсионеры наслаждаться отдыхом, имея хорошую квартиру и высокую пенсию. Он стал участвовать в борьбе за установление действительной законности в стране.

Во время избирательной кампании 1961 года Григоренко обратился с открытым письмом к избирателям Калининского избирательного округа. В нем он резко критиковал грубые ошибки Хрущева и призывал избирателей не

голосовать за него. Реакция Хрущева была быстрой: генерала выслали на Дальний Восток, а так как он и там не успокоился, его арестовали, а затем объявили психически больным.

Больше года сидел генерал-майор в сумасшедшем доме и вышел из него уже после свержения Хрущева. Оказавшись на свободе Григоренко не прекратил своей оппозиционной деятельности. Он почувствовал куда ведут страну Брежнев, Подгорный, Косыгин и другие и одним из первых увидел поднимающуюся вновь мрачную тень сталинщины. Перед XXIII съездом партии Григоренко выступил против попыток сталинцев реабилитировать своего повергнутого идола.

Тогда же он призвал избирателей столицы не голосовать за Косыгина. Одновременно он обратился с Открытым Письмом к Косыгину, а копию письма послал в "Правду", в "Известия" и в зарубежные газеты.

В последующее время генерал Григоренко принял самое активное участие в защите интересов крымских татар, в защите писателей Даниэля и Синявского, молодых литераторов Юрия Галанского, Александра Гинзбурга, Владимира Буковского, Елены Кушева и других. Он горячо протестовал против советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии. Он приветствовал демонстрацию группы москвичей на Красной площади против оккупации Чехословакии, а когда участники этой демонстрации Павел Литвинов, Лариса Даниэль, Вадим Демисн, Бабицкий и Дремлюга представили перед судилищем, он поднял свой голос в их защиту.

В позорные для советской власти августовские дни нашлись храбрые люди в Москве, в Ленинграде, Тбилиси поразному, но открыто выступившие против политики политбюро ЦК КПСС. Среди этих смельчаков есть и имя генерала Петра Григорьевича Григоренко.

Пример гражданского мужества генерала Григоренко показал, что и в условиях коммунистической диктатуры существуют русские люди способные встать с колен, и по велению своей совести повести борьбу со злом. Для этого, говорил Григоренко, нужно не так уж и много: надо очень любить людей, ненавидеть зло и беззаконие и верить, верить беззаветно в победу правого дела.

К счастью, Григоренко не одинок. В России мы видим все больше и больше людей с обостренной гражданской совестью, людей не желающих мириться с бесправием и несвободой. И ряды их растут, пополняясь прежде всего рабочей и студенческой молодежью.

Петр Григоренко арестован, хотя ничего преступного с точки зрения советских законов он не совершил. Он всегда действовал в рамках советской законности. А теперь, нарушая эту пресловутую законность, его, видимо, будут судить тайно, за закрытыми дверями. Так было на всех предыдущих политических процессах. ●

КНИГА-ПОЧТОЙ

Н. Соколов УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

352 стр., 144 фотографии.

Цена — 8 долларов.

И. Сургучев — Детство Императора Николая II — 2,00 дол., Н. Павлов — Его Величество Государь Император Николай II. Париж 1927 г. — 3,00 дол., И. Григорьев — Как Ленин, Свердлов, Голошкеин и Юровский "спасали" Царскую Семью? (Тайный смысл аферы Голеневского) — 0,30 доллара.

M. Tamarzeff — C. Correo No. 4
Villa Ballester — Prov. Bs. Aires
Argentina

надеется скрыть от народа и от внешнего мира размеры разрушений и общее количество жертв. В самой республике лишь население соседних селений может от очевидцев узнать о размерах стихийного бедствия.

Пока я писал настоящую статью список погибших советских генералов продолжал расти. 15-го мая опубликовано сообщение о гибели "одного из выдающихся летчиков-испытателей Советского Союза полковника авиации Василия Семеновича Иванова", причем в том же номере "Красной звезды" сообщается о смерти генерала запаса пехоты Павла Ивановича Горланова. Последний родился в 1906 году, а потому не верится, чтоб он был уже уволен в запас, ибо генералы уходят в запас в 65 лет. Он поступил добровольцем в Красную армию и прошел все ступени службы в пехоте. После Второй Мировой войны окончил Академию генерального штаба и был заместителем командующего одного из военных округов. Сообщено, что лишь недавно генерал Горланов якобы вышел в запас. Таким образом число погибших за столь краткий срок возросло до 14-ти. Допысываю статью и приходящую весть о кончине (на этот раз "скоропостижной") генерал-лейтенанта военно-инженерной службы Георгия Петровича Волкова. Синодик вырос до 15, причем иностранным корреспондентам в

Москве не отвечают на расспросы о месте кончины и похорон. Более того, им объявлено новое ограничение: ездить за пределы столицы им позволено с особого каждый раз разрешения, о котором они должны просить в письменной форме в отделе печати министерства иностранных дел за неделю до дня предполагаемого выезда, указав цель поездки.

Все это создает среди иностранных журналистов в советской столице и среди подсоветских читателей газет нервную обстановку и порождает всякие слухи и предположения. Одни думают, что генералов вызывают на допрос в связи с раскрытием военного заговора и предлагают во избежание ареста и смертного приговора самим застрелиться, как это было в 1937 году с Серго Орджоникидзе. При этом вспоминается, что в 1935-38 г. г., "запутавшись в связях с врагами народа и боясь ответственности перед народным судом" (таким была официальная формула), застрелились б. член политбюро и глава профсоюзов М. П. Томский, премьер-министр Украины Любченко, председатель ЦИК Белоруссии А. Г. Червяков и глава армянской компартии Ханджян.

Теперь же этого не объявляют, а лишь варьируют формулы "скоропостижно", "после тяжелой болезни", "после краткой болезни", "при исполнении служебного долга" или "трагически".

17 мая 1969 г.

Алексей Ростов

В. Ф. Вальдемарс

ДЕЛО ГОЛЕНЕВСКОГО

Всеми, казалось, забытое дело самозванца, назвавшего себя Великим Князем Алексеем Николаевичем, вступило в новую стадию. Мне пишут об этом из Лондона и Вашингтона, из Мюнхена, Нью-Йорка и Чикаго. Еще невозможно сказать, во что эта стадия выльется, но несомненно одно — зашевелились давние, первоначальные сообщники Голенева, подготавливающие свой очередной маневр и откликнулись большевики. В связи с этим, неоднократно было упомянуто имя американского гражданина Джемса П. Смайта.

В ноябре 1968 года проживающий в Чикаго адвокат Роберт Самборский, сотрудник выходящей в том же городе на польском языке ежедневной газеты "Дзенник Звионзовы", обратился к отделу авторских прав библиотеки Конгресса в Вашингтоне с просьбой сообщить ему, что этому отделу известно об авторских правах Джемса П. Смайта, автора написанной на английском языке книги "Спасая Царя". Этот банальный запрос прошел незамеченным. Вряд ли кто-либо его тогда связал с делом самозванца.

Книга, заинтересовавшая Самборского, была издана в Сан-Франциско 22-го июля 1920 года, то есть через два года после Екатеринбургского преступления. Авторские права были зарегистрированы под номером А 571810 на имя Джемса П. Смайта, проживающего в том же городе, и впоследствии возобновлены не были. Удовлетворить любопытство Самборского, который хотел узнать подробнее, кем был Смайт, библиотека Конгресса не пожелала, да и не могла — ее отдел авторских прав биографией своих клиентов не интересуется.

Не получив желанного ответа, Самборский пошел дальше и в следующих шагах обнаружил связь между поисками сведений о Смайте и делом Голенева. Изобразив себя историком-любителем, издавна привлеченном историей России, он стал наводить справки об обстоятельствах венчания Голенева, попутно утверждая, что венчание это было двоеженством — первая жена человека, выдающего себя за сына Императора Николая Александровича, живет, дескать, в Варшаве, а оба его сына служат в польской коммунистической армии.

Все это мне сообщили из Чикаго, а из Лондона написали, что проживающая якобы в Польше первая жена Голенева намерена обвинить мужа в бигамии и обратилась к лондонскому адвокату, поручив ему возбудить судебное дело. Эти сведения не подтвердились, может быть, потому, что обвинительница неожиданно скончалась. По крайней мере, именно это утверждают теперь некоторые давние сообщники Голенева в Соединенных Штатах.

Предприняты Самборским поиски и Джемса П. Смайта могли казаться его личным делом, но в начале 1969 года оказалось, что чикагский адвокат и журналист был, по видимому, только орудием в руках людей, давно связанных с Голеневым. В Нью-Йорке к нескольким русским эмигрантам с просьбой о помощи в отыскании Смайта обратился журналист Гай Ричардс, автор изданной в 1966 году по-английски книги о Голеневском, а в Вашингтоне теми же розысками занялся один из сыновей того книгоиздателя Роберта Спеллера, который не только покровительствовал самозванцу, поддерживал и рекламировал его притязания, но и расписался в метрической книге, как один из свидетелей венчания.

Спрошенные Спеллером и Ричардсом эмигранты были удивлены — одни из них не знали Смайта и слышали его фамилию впервые, другие не только знали его хорошо, но и не могли понять, почему сообщники Голенева ищут человека живущего открыто, в одной из нью-йоркских гостиных.

Джемс П. Смайт — лицо не мифическое. В Белграде, до войны, он был представителем английской фирмы, продававшей авиационные и автомобильные моторы. Многие его служащие были русскими эмигрантами. Один из них, г-н Р., живет теперь в Си-Клиффе под Нью-Йорком. Русские знакомые Смайта по Белграду отзываются о нем, как о человеке щедром и любезном. Об его причастности к книге "Спасая Царя" никто никогда ничего не слышал.

Ныне, Джемс П. Смайт — старик, с трудом передвижающийся на костылях,

но не потерявший интереса ни к политическим вопросам, ни к эмигрантам, правда, не русским, а югославским. Его встречают в их обществе, особенно со времени переезда Короля Петра в Соединенные Штаты. Он был гостем на "славе" Короля в сербском православном соборе Св. Саввы в Нью-Йорке, принадлежащем той Церкви, которая порвала с белградским патриархом Германом. Словом, поиски Смайта, предпринятые несомненными сообщниками Голенева — Спеллером и Ричардсом — и его вероятным сообщником Самборским непонятны.

Еще непонятнее их заинтересованность в книге Смайта, выдержавшей в 1920 г. два издания и "удостоившейся" 5-го сентября 1920 года отзыва в приложении к "Нью-Йорк Таймс". Автором этого отзыва был ныне покойный сотрудник этой газеты Герман Бернштейн.

По сравнению с тем, что написано в этой книге, прежние доводы сообщников самозванца в пользу его притязаний — ссылки на фамильное сходство с Романовым, на гемофилию, на венчание под именем сына Императорской Четы — могут показаться убедительными. Если сообщники самозванца готовят новую кампанию в защиту его лживых утверждений, книга Смайта будет оружием негодным.

Книга состоит из трех частей: предисловия, написанного д-ром Огинбу, и двух подлинных дневников, проредактированных и переведенных Джемсом П. Смайтом. Авторы этих фантастических "дневников" не названы.

В предисловии сказано, что во время революций сторонники свергнутого режима всегда склонны к его идеализации и к изобразлению жертв революции и, особенно, монархов мучениками. Так — по словам автора предисловия — случилось и в России, где возникла легенда о гибели всей Царской Семьи в Екатеринбурге. В действительности, вся Семья благополучно оттуда спаслась.

Это спасение объяснено существованием таинственного международного монархического заговора, участники которого разбросаны по всему миру — от Америки до Тибета. Заговорщикам приписан особый, не менее таинственный код, которым они пользуются для своих сношений и который известен только тем, в чьих жилах течет царственная кровь. Этим кодом — написал д-р Огинбу — пользовались уже Соломон и Ликург.

Действие первого "дневника" разыгрывается не позже 1919 года — как следует из даты издания книги — в Берлине. Автором "дневника" изображен молодой русский эмигрант, записывающий свои встречи и разговоры с немцем. Во время одной из этих встреч, в ресторане Кемпинского, этот немец — сказано в "дневнике" — показал эмигранту письмо, полученное от брата из Тасмании. Письмо содержало описание прогулки его автора по окрестностям не названного города. Эта прогулка привела автора письма к решетке парка, окружавшего большой, богатый дом. На лужайке у этой ограды играли в мяч невысокий, седеющий господин и красивый юноша. Они говорили по-английски. Из дома вышла очень красивая дама и четыре веселые, оживленные девушки. Они подошли к играющим и, говоря тоже по-английски, включили в разговор несколько русских фраз. Только тогда автор письма обратил внимание на необыкновенное сходство седеющего господина с Королем Георгом и понял, что видит его двоюродного брата — Императора Николая Александровича и Его семью.

Второй "дневник" изображает русского аристократа, встречающегося в начале 1917 года в столичном клубе со своими друзьями. Тревожно они наблюдают приближение революции. Когда она совершается, их ненависть направляется на Керенского. Они обвиняют его в желании умертвить Царскую Семью. Завхват власти большевиками заставляет "аристократа" позаботиться о собственном спасении. Ради него, он становится красноармейцем и попадает в Тюмень — в "дневнике" названа именно Тюмень, а не Тобольск, где находится заключение Царская Семья. Ее пребывание там и переезд в Екатеринбург описаны подробно. Автор дневника тоже туда попадает и состоит в охране Ипатьевского дома. Описание жизни заключенных в этом доме содержит вымышленные подробности. Так, например, сказано, что Императора заставили снять погоны, но он отказался снять Георгиевский крест, а

Письмо в Редакцию

КТО ЖЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРАВДУ?

В № 1002 "Нашей Страны" помещено письмо в редакцию прапорщика А. Макриды, утверждающего, что в частях генерала Корнилова, предпринявшего 1-й Кубанский поход, вовсе не известна была песня, характеризующая революционность ее исполнителей: "Мы былого не жалеем" и т. д. и которую почему-то, в общепринятой, принято называть гимном.

Такое сообщение прапорщика Макриды идет вразрез с сообщениями крупных историков Белого Движения, а особенно со свидетельством генерала Георгиевича, представителя РОВСоюза в Австралии, который совсем недавно, 13 декабря 1968 года, в газете "Единение", издающейся в стране проживания самого г. Макриды, в некрологе к смерти ротмистра Тайраха, говорит: "На нашем Белом знамени стояло лишь одно слово — "Родина". И не было никаких партийных программ. Гимн заканчивался: Мы былого не жалеем, царь нам не кумир; мы одну мечту делеем — дать России мир!"

Так кому же верить? Прапорщику Макриды, первоходнику, или генерал-майору Георгиевичу, тоже первоходнику?

Н. Чухнов,

Редактор "Знамени России"

ОТ РЕДАКЦИИ:

Невнимательное чтение приводит к неверным заключениям и превращает газетную дискуссию в пререкание между глухими. В своем письме в Редакцию сотрудник "Нашей Страны" А. Макриды отнюдь не утверждал, что "в частях генерала Корнилова... вовсе неизвестна была" вызвавшая полемику песня. А. Макриды выразил свое возмущение тем, что эта песня в эмигрантской печати была названа гимном Корниловцев.

Сотрудник "Нашей Страны" написал: "... я свидетельствую и утверждаю, что никакого гимна у Корниловцев не было вообще..."

Интервьюированные "Нашей Страной" бывший начальник штаба Корниловской Ударной дивизии полковник Е. Месснер и бывший начальник аргентинского отдела РОВСа, корниловец полковник С. Д. Гегела-Швили безоговорочно подтвердили высказанное А. Макриды утверждение: не только эта пресловутая песня не была корниловским гимном, но и вообще никакого гимна у Корниловцев не было.

Если же генерал Георгиевич называет эту песню гимном, то это неверное на-

именование полностью остается на его совести и никак не может считаться свидетельством правды и тем менее может восприниматься как выражение идеологии Корниловцев в целом.

Самое важное, конечно, не определить был ли это гимн или песня, а установить пелась ли вообще строфа "Царь нам не кумир". Предоставим голос Корниловцам. Полковник Е. Месснер пишет: "... в официальном издании Объединения чинов Корниловский Ударного полка, книге "Корниловский Ударный полк" на стр. 11, при описании формирования в июне 1917 г. на Юго-Западном фронте Ударного отряда, сказано: "Приезжавшие прапорщики, если и не были по молодости своих лет активными революционерами, то во всяком случае, по моде того времени, почти все считали себя или республиканцами или сочувствующими партии социалистов-революционеров... Тогдашнее настроение юных прапорщиков отразил прапорщик К. в своей книге "Песни Корниловца". В одной из них — была строка "Царь нам не кумир" ... "Время и дальнейшие грозные события перемололи революционный пафос молодых Корниловцев" и строфу с вышеприведенной строкой "они уже перестали петь".

Прибыв на Дон в состав Добровольческой Армии, прапорщики уже получившие боевое крещение в знаменитом бегстве нескольких революцией развращенных армейских корпусов, уже выдержавшие в Киеве тяжелый бой с большевиками, излечившись от упомянутой "моды" и Корниловский Ударный полк вычеркнул из своего марша ту строфу с неподобающей строкой.

Почему на протяжении полустолетия вспоминают "моду" 17-го года, а забывают, что в 18-ом году Корниловский полк после боя за Екатеринодар остался в составе в 67 бойцов, потеряв убитыми и ранеными 1583 ударника — в том числе и тех юных прапорщиков; забывают, что в 18-20-х годах Полк наш потерял убитыми 13.617 ударника и ранеными — 34.328, что Полк в своих 570 боях неоднократно атаковал красного врага под пение своего марша и при том ни разу не пропел той одиозной строки, вычеркнутой и из текста марша и из сознания Корниловского Ударного полка". ("Русское Слово" № 398).

Со своей стороны интервьюированный Редакцией полковник С. Д. Гегела-Швили утверждает, что пресловутая строфа пелась лишь в самом начале и очень скоро слова "Царь нам не кумир" были из песни изъяты.

РЕДАКЦИЯ

д-р Боткин отказался снять и погоны. Императрица изображена в драгоценных кольцах и серьгах.

Развязка — спасение Царской Семьи — приписано в "дневнике" смелости и находчивости "аристократа". Ему удается не только во-время спасти Великих Княжен от покушений палача-коммуниста, но и, набросив на него петлю, задушить его и вытащить на лестницу. Ему удается затем снять петлю и спрятать ее под подушку ведающего домом комиссара. Красноармейцы находят труп задушенного товарища, производят в доме обыск, находят орудие убийства в постели комиссара, расстреливают его, а в наступившей сумятице, Царская Семья исчезает.

Все это настолько глупо, что вряд ли может помочь Голеневскому и его сообщникам даже в том случае, если они найдут Смайта, а он "назовет" им авторов этих "дневников".

Надо, однако, признать, что одной глупостью объяснить книгу Смайта невозможно. В ней можно найти частности, заслуживающие внимания. Так, например, в изображении Берлина и до-революционного Петербурга есть верные черты. Верно описано бегство некоторых царедворцев из поезда, в котором арестованный Временным правительством Император прибыл из Могилева в Царское Село. Еще удивительнее то, что в книге, изданной в Америке летом 1920 г. и, следовательно, написанной раньше, через — скажем — год после царского убийства, верно названы имена лиц, бывших с Царской Семьей в Ипатьевском доме, а в тех случаях, когда, в "дневнике" эти имена заменены инициалами, эти инициалы тоже указаны правильно. Все это заставляет предположить, что Джемс П. Смайт или другой сочинитель "дневников", прикрывшийся

именем Смайта, получил эти сведения либо от большевиков, либо от кого-либо, побывавшего в 1918 году в Екатеринбурге. В письме, полученном мною из Америки от известного эмигрантского деятеля есть указания на сходство второго "дневника" с книгой о попытке спасения Царской Семьи, изданной в 1924 году в Германии одним, молодым тогда русским эмигрантом. Я, однако, не имел возможности проверить это сообщение.

Были ли большевики причастны к очередной дезинформации о спасении Императора и Его семьи, распространной в 1920 году Смайтом, сказать, не имея прямых доказательств, трудно. Косвенной уликой может быть желание Смайта изобразить не Ленина и Свердлова, а Керенского главным виновником заключения Екатеринбургских узников. Вряд ли случайно, однако, упоминание Голенева в заявлениях, сделанных 20-го февраля 1969 года советскому пропагандному "Голосу Родины" представителем московской патриархии, архиепископом Павлом.

Дело Голенева, конечно, гораздо глубже и сложнее попытки большевиков повредить Русской Зарубежной Церкви. Однако, решение церковной власти о созыве Собора с участием клира и мирян легко может вызвать в Москве соблазн еще раз воспользоваться этим делом для причинения нашей Церкви возможного вреда.

Намерения самозванца и его сообщников определяются точнее, вероятно, еще в этом году. Гай Ричардс пишет вторую книгу о "спасении Царской Семьи". Если его единственным новым доводом в пользу самозванца будут в этой книге выдумки Смайта, опасной она не будет.

Вл. Ф. Вальдемарс

Ш а а н (Лихтенштейн)

Анатолий Марченко

„МОИ ПОКАЗАНИЯ“

В издательстве „La Presse Libre“ в Париже вышла из печати книга Анатолия Марченко „Мои показания“. Мы воспроизводим наименее жестокие страницы из этого потрясающего свидетельства о советских тюрьмах и концлагерях послесталинского периода.

РЕДАКЦИЯ

„РЕЛИГИОЗНИКИ“

Так одним словом называют тех заключенных, которые сидят за веру в Бога. Верят в Бога не только они, среди эзков есть и другие верующие; а религиозники именно за религию арестованы и осуждены. Кого только нет среди них! И мусульмане с Кавказа, из Средней Азии, и православные, и баптисты, и свидетели Иеговы, и евангелисты, и субботники и много разных других.

В газетах иногда описываются преступления фанатиков-сектантов, религиозные убийства, истязания детей и тому подобное. Мне трудно в это поверить; сколько я видел разных сектантов в лагерях и во Владимирке — среди них никто никогда не убивал. Они все против убийства и насилия. Да в политических лагерях среди религиозников и нет ни одного осужденного за какие-нибудь убийства. Тех, кого обвиняют в убийствах, судят за „антисоветскую пропаганду“: если они, например, говорят, что всякая политическая власть, в том числе и советская, не от Бога, а от дьявола; за хранение и распространение „антисоветской“ литературы. Судят, как и всех нас, закрытым судом, а тех, кого за убийства — открытым. А потом про всех религиозников, всех сектантов, говорят: „Вот они те самые... фанатики!“

Фанатизм религиозников проявляется только в том, что они отстаивают свои собственные религиозные убеждения и правила. Это очень смиренные и спокойные люди, большей частью старики лет 60-ти и старше, но есть и молодые. К заключению они относятся не так, как другие эзки: их утешает то, что они страдают за своего Бога и за свою веру, и они терпеливо переносят страдания и мучения. Я слышал от сектантов такую песню:

... „Нёс Спаситель Свой крест, лишь молился,

Не пенял Отцу на врагов,

Был Он чудным примером страдания,
В Нем горела святая любовь“.

И все-таки их, смиренных и покорных во всем, кроме вопросов веры, пачками отправляли во Владимирку — за невыполнение нормы, за отказ от работы в дни своих религиозных праздников. Здесь, в камерах, я близко столкнулся со многими из них. Чуть не в каждой камере то евангелист, то субботник, то

свидетель Иеговы, а то сразу несколько из разных сект. Начальство над ними издевалось, как хотело. Я увидел это в первый же день. Многие верующие по своим правилам носят бороды, и вот их стригли насильно, в наручниках.

А посты? Казалось бы, о каких там постах может идти речь здесь, когда вообще есть нечего, изо дня в день годами длится сплошной пост, а люди истощены до полусмерти! Но большинство верующих хотело и здесь соблюдать свои правила, „а то грех перед Богом“. Они хотели есть свою постную пищу, когда это полагается, но ведь в тюрьме ешь, что дают! „Да в тюремной баланде в любой день хоть под микроскопом ищи, жиринки не увидишь!“ — уговаривали мы их. „А все-таки по норме немного жиру полагается, может быть сколько-нибудь и кладут в котел“ — отвечали они. Надзиратели это знали. И вот в пост нарочно начинают разливать баланду с тех камер, где сидят верующие. В полном термосе сверху, может, и плавают какое-нибудь пятнышко жира — пусть оно попадет в миску того, кто постится, тогда и он есть не станет, и другим не достанется. И вообще, верующие, зная, что им наливают сверху, из полного термоса, опасаются есть, боятся согрешить. А надзиратели еще приказывают раздатчикам зачерпнуть и сверху и немного со дна, где погуще: эта миска все равно пропадет, а остальным достанется одна вода.

Когда наши верующие разгадали эту хитрость, они в свои постные дни стали вообще отказываться от вареного, сидели на одном хлебе и воде.

При таком голоде, как во Владимирке, не у всех хватает сил соблюдать посты и отказываться от пищи. Тогда надзиратели и начальство начинают их высмеивать: „Вы все врете, что верующие, какой там у вас Бог, одно притворство!“ А когда религиозник обращается в тюрьме к врачу, ему говорят: „Вы зачем записываетесь, вы запишитесь к своему Богу на прием, пусть Он вас лечит“.

ДУШЕВНОБОЛЬНЫЕ

Я часто слышал от разных эзков, что среди нас, если как следует подумать, нет ни одного нормального человека. В этих нечеловеческих условиях, да еще видя все то, что нам приходится видеть, невозможно сохранить здоровую психику. Особенно во Владимирке.

Но помимо всеобщего отклонения от нормы, почти в каждой камере Владимирской тюрьмы находился эзк. „чокнутый“ по-настоящему. Одни разговариваются, другие сочиняют о себе всякие небылицы. Есть и буйные. Не знаю, помешались ли они из-за долготного заключения или такими и попали в тюрьму, только сидеть с ними в камере одно

„Человек ходит прямо“

В только что дошедшем до зарубежных подписчиков 3-ем номере журнала „Театр“ помещена пьеса армянского писателя Сагатела Арутюняна „Человек ходит прямо“. Пьеса Арутюняна это — драматические и комические переживания нескольких людей, происшедшие на автостанции в горах Армении в начале, середине и конце летнего дня.

Конечно, сценически можно по-разному прочесть эту пьесу. По-разному рас-

мучение. А начальство нарочно не отделяет их. Даже так: если в одной камере двое сумасшедших, то их разведут по разным, чтобы отравить существование сразу двум камерам. Жаловаться бесполезно.

В одной камере сидел такой Саня-чокнутый. Днем тихий, смиренный, сидит на своей койке, ни с кем не разговаривает, все о чем-то думает. Отбой — Саня ложится и ждет, когда все уснут. Тогда он подымается, подходит к чьей-нибудь койке и справляет нужду прямо на спящего сокамерника, да еще старается попасть на лицо. И так каждую ночь. Пробовали его караулить, не спать по очереди. Но это невозможно: после отбоя все эзки должны быть в постели, нельзя ни ходить, ни сидеть, ни читать лежа. Попробуй, не усни, тем более, что днем отоспаться нельзя. Вот и получалось, что сам „сторож“ просыпался часто весь мокрый. Уж Саню и били, хоть понимали, что это большой человек... Узнают об избиении надзиратели, тянут виноватого в карцер, а Саня попрежнему каждую ночь делает свое дело.

В другой камере был совсем тихий сумасшедший, никого не трогал. Он держался даже с каким-то особым достоинством, на всех смотрел свысока. А его причуда состояла в том, что всю еду в своей миске он разбавлял содержимым параша. Принесут обед или ужин, какой берет свою миску, садится есть. А он в это время подходит к параше, открывает ее, зачерпывает себе в миску и начинает тщательно размешивать. Мало того, обойдет всех в камере и настойчиво уговаривает: „Ты попробуй, мне мама в детстве такую кашу варила, вкусно очень!“ Сует под нос свою миску — а люди в это время едят. Потом он садится за общий стол и начинает есть, позабыв о достоинстве, чавкает, причмокивает, весь вывозится в своей „маминой каше“. После обеда наливает в миску воды, ополаскивает и воду выпивает.

А были и такие чокнутые, которые срывали с себя всю одежду и ходили по камере голые. Что им дадут из одежды — они все раздирают в клочья — и в парашу. Их хоть на прогулку не водили. Но эти долго не живут. Простуживаются и умирают.

Анатолий Марченко

ставить те или иные акценты, но тема „народ и власть“ все равно будет звучать как основная тема.

Власть представлена в лице председателя колхоза Саака, секретаря парткома Айка, заведующего фермой Сероба и приехавшего из центра Ревизора.

Представитель народа, как бы олицетворение его совести — это сапожник Аршак. Это он, при появлении председателя колхоза, секретаря парткома и заведующего фермой, бросает такую реплику: „Все руководство в полном составе, и какого черта их несет в такую рань?“

В развороте событий одного дня, Аршак не только вступает в горячий спор с представителем власти — Сааком, но и откровенно говорит ему в лицо обнаженную правду: „...Ошиблись мы в вас, сильно ошиблись!“ И как главное обвинение: „Ты строил село, но забывал о хозяевах этих домов. А они и есть главное — человек. Что творится в его душе, это идет мимо тебя“.

Автор достаточно убедительно показывает разрыв между отцами и детьми. Вся надежда на молодежь. Тот же Аршак говорит: „Если бы не эта надежда, наверно не стоит жить. Идет новое поколение, оно доделает то, что не сделали мы“.

И тут сразу встает вопрос: что же именно должно сделать новое поколение? Прямого ответа автор не дает, но заставляет многое додумать, домыслить.

Разрыв между поколениями и одновременно между властью и народом наиболее выпукло вырисовывается во взаимоотношениях между председателем колхоза Сааком и его сыном Аргамом.

— Я не вмешиваюсь в твои дела, не мешайся и ты в мои, — говорит Аргам своему отцу. — Я-то знаю, зачем ты здесь, только никому не скажу. Приучил ты меня молчать, папаша. „Об этом молчок“ — только всю жизнь и слышу. Ты председатель колхоза, я сын председателя... Чертовски выгодная должность! В народе ее называют дармоедством.

К концу дня, в завершение всех событий, сын становится все более беспощаден в своем обвинении отца — представителя власти, председателя старшего поколения. Так складывается ситуация, что Аргам подозревает в убийстве человека, за которым он, якобы, шел следом в горах. В действительности же Аргам убил барса, зверя, перед которым трепетало все население этих мест.

— Мое имя, мое доброе имя! Что скажу людям? Мой сын убийца? — в страхе за свое положение, причитает председатель колхоза.

— „Доброе имя!“, „Убийца!“... А ты кто, не убийца? Ты тоже убивал... — кричит ему сын. — Ты убил меня! Да, он убил собственного сына. Это он делал меня таким. Он думал, что я ребенок, не понимаю, при мне откровенничал. А я все понимал. Он при мне делал все, не брезговал ничем. О, Боже, что

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 48

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

И так они стали остерегаться плохо одетых, дерзких, а иногда и подвыпивших людей, каких можно было встретить в электричке, около пивных ларьков, на автобусных и железнодорожных станциях. Плохо одетый человек всегда опасен, потому что он плохо чувствует свою ответственность, да вероятно ему мало что терять, иначе он был бы одет хорошо. Конечно, милиция и закон защищают Русанова от плохо одетого человека, но эта защита придет неизбежно с опозданием, она придет, чтобы наказать негодяя уже потом, а столкнувшись с ним лицом к лицу Павел Николаевич по сути беззащитен — ни положение, ни заслуги никак его не защитят, а тот может и оскорбить беспричинно, и выругать матерно, и ударить кулаком в лицо ни за что, и испортить костюм или даже силою его отнять.

И вот, ничего на свете не боясь, Русанов стал испытывать вполне нормальную оправданную боязнь перед распущенными полупьяными людьми, а точнее — перед прямым ударом кулаком в лицо.

Потому так взволновало его сперва и известно о возврате Родичева: Русанов представил, что Родичев первым двинет кулаком в лицо. Не то, чтобы он или Гузун стали бы действовать по закону: по закону они, пожалуй, до Русанова не доберутся, и никаких претензий иметь не могут, не должны. Но что, если они сохранились здоровыми мужиками и хотят, вульгарно говоря набить морду?

Вот этот-то страх Павел Николаевич и должен был в себе преодолеть, погасить, как волевой сознательный человек новой формации.

Да прежде всего это — пустое воображение. Еще, может быть, никакого Родичева нет, и дай Бог, чтоб он не вернулся. Все эти разговорчики о в о з в р а т а х вполне могут быть легендами, потому что в ходе важных событий, прикасаясь к ним, Павел Николаевич пока не ощущал тех признаков, которые могли бы предвещать новый характер жизни.

Потом, если даже Родичев действительно вернулся, то в К*, а не сю*а. И ему сейчас не до того, чтобы искать Русанова, а самому надо оглядываться, как бы его из К* не выперли снова. Так что зряшен был первый невольный испуг Павла Николаевича.

А если он и начнет искать, то не сразу же найдет ниточку сюда. И сюда поезд идет трое суток через восемь областей. И, даже доехав сюда, он во всяком случае явится домой, а не в больницу. А в больнице Павел Николаевич как раз в полной безопасности.

В безопасности!.. Смешно... С этой опухолью — и в безопасности... Лучше умереть, чем бояться каждого возврата. Какое безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?..

Кажется, все-таки, Павел Николаевич перегорел и готов был ко сну. Надо было постараться заснуть.

Но ему требовалось выйти — самая неприятная процедура в клинике. Осторожно поворачиваясь, осторожно двигаясь — опухоль железным кулаком сидела у него на шее и давила — он выбрался из закатистой кровати, надел пижаму, шлепанцы, очки, и пошел, тихо шаркая.

За столом бодрствовала строгая черная Мария и чутко повернулась на его шарканье.

У начала лестницы в кровати какой-то новичек, грек с большим чубом, терзался и стонал. Лежать он не мог, сидел, и бессонными глазами ужаса проводил Павла Николаевича.

На средней площадке маленький, еще причесанный, желтый-прежелтый, полусидел на двух подложенных подушках и дышал из кислородной, плащ-палаточного материала. У него на тумбочке лежали апельсины, печенье, рахат-лукум, стоял кефир, но все это было ему безразлично — простой бесплотный чистый воздух не входил в его легкие, сколько нужно.

В нижнем коридоре еще стояли койки с больными. Одни спали. Старуха восточного вида с растрепавшимися космами раскидалась в муке по подушке. Потом он миновал маленькую каморку, где на один и тот же короткий нечистый диванчик клали всех, не разбирая, для клизм.

И наконец, набрав воздуха и стараясь его удержать, Павел Николаевич вступил в уборную. В этой уборной, без кабин и даже без унитазов, он особенно чувствовал себя неотгороженным, приниженным к праху. Санитарки убирали здесь много раз в день, но не успевали, и всегда были свежие следы или рвоты, или крови, или гакости. Ведь этой уборной пользовались дикари, не привыкшие к удобствам, и больные, доведенные до края. Надо бы попасть к главному врачу и добиться для себя разрешен*я ходить во врачебную уборную.

Но эту д ловую мысль Павел Николаевич сформулировал как-то вяло.

Он спать пошел мимо кл зменной кабинки, мимо растрепанной казашки, мимо спящих в коридоре.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

„ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ“

Читая некоторые книги, я, как на оселке, правлю свой язык. На иных книгах я правлю свою гражданскую совесть.

**

Есть убежденность, что большими знаниями можно погубить в себе поэзию. Рациональное зерно здесь заключается в том, что с приобретением знаний утрачивается непосредственность восприятия мира, способность удивляться, развивается рефлексия...

Но, по-моему, дровами можно завалить и потушить только слабенький огонек. Большой, разгоревшийся костер дровами не завалишь. Он разгорится еще ярче.

**

Нужно попасть камнем в цель на далеком расстоянии. У человека, умеющего далеко кидать камни, при этом будет одна лишь трудность — попасть. Докинуть до цели для него не проблема. Это для него само собой разумеется.

Если же человек едва-едва добрасывает камень до нужного места, то где уж ему попасть.

Литературная техника, собственно литературное ремесло, и есть вот это умение "докинуть".

Нужно, чтобы все эти рифмы: внут-

ренние, разноударные, мужские и женские, — ассонансы, аллитерации и прочее, нужно, чтобы это не было проблемой, а было как умение легко докинуть камень до цели. Тогда вся энергия сосредоточится именно на том, чтобы попасть в цель.

**

У него ладный, хорошо работающий поэтический аппарат. Но ему нечего в этот аппарат запускать.

**

Что изменится, если в стихотворении поправить два-три места, две-три строки или даже два-три слова? Может быть, ничего не изменится. Может быть, стихотворение станет лучше. Но может случиться и другое.

У стихотворения (у рассказа, у романа) есть свои нервные узлы. Чтобы убить произведение, незачем кропать его на куски — достаточно ужалить в два-три нервных узла. Операция может быть незаметной, а стихотворение между тем парализуется и обвиснет, как тряпка.

**

Сколько людей на свете, столько и понятий о счастье, потому что счастье состоит в удовлетворении запросов, а запросы бывают разные. Русская посло-

вица говорит: "У каждого по горю, да не поровну. У одного похлебка жидка, у другого жемчуг мелок". То же можно сказать о счастье.

Тем не менее у любого счастья существует фон, или, вернее, основа, и есть подробности крупных планов.

Наиболее прочной и, вероятно, единственно прочной основой является глубокая удовлетворенность главным делом своей жизни, которое тоже у каждого человека свое.

Личные, повседневные огорчения и радости (подробности крупного плана) могут, конечно, на время заслонять основное. Но при отсутствии основного они не могут составить счастья.

**

Однажды я ночевал в коренном дагестанском ауле. Днем, пока мы суетились и разговаривали, обедали и пели песни, ничего не было слышно, кроме обычных для аула звуков: крика осла, скрипа и звяканья, смеха детей, пения петуха, шума автомобиля и вообще дневного шума, — когда не различаешь один звук от другого и не обращаешь на шум внимания хотя бы потому, что и сам принимаешь участие в его создании.

Потом я лег спать, и мне начал чудиться шум реки. Чем тише становилось на улице, чем больше затихал я сам, тем явственнее, тем громче шумела река. Постепенно она заполнила всю тишину, и ничего в мире, кроме нее, не оставалось. Властно, полнозвучно, устойчиво шумела река, которой днем не было слышно нигде поблизости.

Утром, когда мир снова наполнился криками петуха, скрипом колес, громыханьем грузовика и нашим собственным разговором о всякой ерунде, я спросил у жителей аула и узнал все же, что река мне не приснилась, она действительно существует в дальнейшем ущелье за горой, только днем ее не слышно.

Каково же художнику сквозь повсе-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР
ЗА "ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ"

В Польше

Партийный агитатор пытается уговорить крестьянина поступить на кооперативную ферму. После долгих разговоров ему это удается. Начинается следующий разговор:

— Отдашь нам твою лошадь? Отдам. — Коров? Отдам. — Телят и коз? Конечно. — А как насчет кур? НЕТ, этого я не отдам. — Почему? Хочешь отдать лошадь, корову, телят, коз, а кур нет. Почему?

— А ведь куры-то у меня есть!!

Говорят, что польские газеты будут выходить совсем без слов. — Почему? — Да потому, что публика все равно читает только между строк.

В Китае

В Пекине одного человека судят за то, что он рассказывал анекдоты о Мао Тзе-тунге и Чу Эн-лае. Судья говорит: "К счастью, в нашей стране не все думают как вы. Большинство китайских граждан знает, что наше правительство прилагает все старания, чтобы сохранить мир и независимость нашей республики". — "Это замечательный анекдот, ваше благородие", отвечает подсудимый, — "но могу вас уверить, что он не из моего репертуара".

дневную суету жизни прислушиваться к постоянно существующему в нем самом и в мире, но не постоянно слышному голосу откровения!

Броневский: "Я мог бы много услышать в этом мире, но, к сожалению, сам я все время шумел".

**

Рассказывать анекдоты — значит брать юмор капрокат, когда не хватает или вовсе нет своего.

только он ни делал при мне... Все, чему меня учили в школе, отец перечеркивал одним словом. В школе учили честности, а дома я видел ложь, обман! Сейчас нас обоих поведут как убийц на суд... А не убивал ли ты веру у людей? Не только у меня, у многих? Кто хоть раз выступал против тебя, ты вырывал ему язык... Ты сильный, еще бы!

В пьесе много символики, двойного смысла, подводного течения событий...

Приехавший из центра ревизор — тоже представитель власти — попросил одолжить ему сети половить рыбу. Вскоре он приходит с форелями, нанизанными на новый ивовый прут. И вот какой происходит разговор между ревизором, хвастающимся уловом, с одной стороны и Аргамом и Аршаком — с другой. Разговор начинается ревизор:

Ревизор: — Хо-хо! Видали!

Аргам: — А говорили — рыбы нет. Какие форели! О!.. Это вам не кто-нибудь, а Ревизор!

Аршак: — Ты смотри... Целую неделю по ночам ставлю, и ничего не попадает...

Ревизор: — Не надо ночью.

Аргам: — Его сети и днем ловят.

Аршак: — Везет просто.

Ревизор: — Это не везение. Нужно знать направление течения... Вот почему в мои сети всегда рыбка попадает...

Аршак: — Мы не видели вас целый год.

Ревизор: — Вы же знаете, какая у нас работа.

Аргам: — Расставлять сети?

Ревизор: — Это делу не помеха. Я работаю в поте лица.

Аргам: — Хорошая у вас работа. Всегда что-нибудь или кто-нибудь попадает в ваши сети. И ночью и днем, а?

Полна глубокого смысла и сцена с петухом, когда торговка Пард просит кого-нибудь зарезать ее подышающего петуха. Никто не решается, и только Ревизор охотно берется за это дело. По ремарке автора он уходит за скалу и возвращается с обезглавленным петухом.

— Готово! — говорит он.

Аргам замечает:

— Легко это у вас получается. Раз — башка долой!

В самом конце пьесы Аршак и молодая девушка Цагик ждут прихода какого-то инного, неведомого Человека.

— Не знаю, кто он и какой он — говорит Цагик, — но он придет, дядя Аршак... Не может быть, чтобы не пришел.

Символична и последняя авторская ремарка: все уходит. "Остается только спящий человек".

Всем ходом пьесы автор вселяет надежду, что придет время и человек проснется. Проснется и победит насилие, произвол, несправедливость, — победит, как победил Аргам кровожадного барса.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОГО ТЕАТРА

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22-го ИЮНЯ 1969 г.

В 16.30 ЧАСОВ

в помещении

CASA CATALUÑA (Chacabuco 863)

будет поставлена

ВЕСЕЛАЯ КОМЕДИЯ В 4-х АКТАХ

„ВЕРНОЕ ДЕЛО“

М. П. ДРЕВИНГ

Постановка режиссера М. Е. МОДЕСТА

Участуют: г-жи В. И. ОСТРОВСКАЯ, М. С. ПОКРОВСКАЯ, Д. С. ЭННОК, Е. А. ЮХНЕВИЧ и г-да В. А. ВАСИН, М. Е. МОДЕСТ, В. Б. ОСТРОВСКИЙ, Ю.Н. ФИЛИЧЕВ, М.П. ЧУРИЛОВ, П.М. ЧУРИЛОВ

Ассистент режиссера — М. П. ЧУРИЛОВ

Ведет спектакль М. С. ПОКРОВСКАЯ

Предварительная продажа билетов по телефонам: 772-6848, 52-7626, 740-9218.

ОДРТ

Мимо обреченного с кислородной подушкой.

А наверху грек прохрипел ему страшным шепотом:

— Слушай, браток! А тут — всех вылечивают? Или умирают тоже?

Русанов дико посмотрел на него — и при этом движении остро почувствовал, что уже не может отдельно поворачивать головой, что должен, как Ефрем, поворачиваться всем корпусом. Страшная прилепина на шее давила ему вверх на челюсть и вниз, на ключицу.

Он поспешил к себе.

О чем он еще думал?!.. Кого он еще боялся!!! На кого надеялся?..

Тут, между челюстью и ключицей, была судьба его.

Его правосудие.

И перед этим правосудием он не знал знакомств, заслуг, защиты.

15

— А тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Ох, порядочно!

— А тебе?

— Мне шестнадцать. Ну, как в шестнадцать лет ногу отдавать, ты подумай?

— А по какое место хотят?

— Да по колено — точно, они меньше не берут, уж я тут видел. А чаще — с запасом. Вот так... Будет культя болтаться...

— Протез сделаешь. Ты чем вообще заниматься собираешься?

— Да я мечтаю в Университет.

— На какой факультет?

— Да или на филологический, или исторический.

— А конкурс пройдешь?

— Думаю, что да. Я — никогда не волнуюсь. Спокойный очень.

— Ну и хорошо. И чем же тебе протез будет мешать? И учиться будешь, и работать. Даже еще усидчивей. В науке больше сделаешь.

— А вообще жизнь?

— А кроме науки — что вообще?

— Ну, там...

— Жениться?

— Да хотя бы...

— Найде-ешь! На всякое дерево птичка садится!.. А какая альтернатива?

— Что?

— Или нога или жизнь?

— Да — на авось. А может — само пройдет!

— Нет, Дема, на авось мостов не строят! От авоськи только авоська осталась. Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя. Тебе опухоль называют как-нибудь?

— Да вроде — "Эс-а".

— Эс-а? Тогда надо оперировать.

— А что, знаешь?

— Знаю. Мне бы вот сейчас сказали отдать ногу — и то б я отдал. Хотя моей жизни весь смысл — только в движении — пешком и на коне, а в автомобиле там не ходят.

— А что? Уже не предлагают?

— Нет.

— Пропустил??

— Да как тебе сказать... Не то, чтобы пропустил... Ну, отчасти и пропустил. В поле завертелся. Надо бы месяца три назад приехать, а я работы бросить не хотел. А от хольбы, от езды хуже натиралось, мокло, гной прорывался. А прорвется — легче, опять работать хочется. Думаю — еще подожду. Мне и сейчас так трет, что лучше бы брючину одну срезать или голым сидеть.

— А не перевязывают?

— Нет.

— А покажи, можно?

— Посмотри.

.....

— у-у-у-у-у, какая... Да темная.

— Она от природы темная. Здесь у меня от рождения было большое родимое пятно. Вот оно и переродилось.

— А это что такое?

— А это вот три свища остались от трех прорывов... В общем, Демка, у меня опухоль совсем другая, чем у тебя. У меня — меланобластома. Эта сволочь не щадит. Как правило — восемь месяцев — и с копыт.

— А откуда ты знаешь?

— Еще до сюда книжку прочел. Прочел — тогда и схватился. Но дело в том, что если б я и раньше приехал — все равно б они оперировать не взяли. Меланобластома такая гадина, что только тронь ножом — и сейчас же дает метастазы. Она тоже жить хочет, по-своему, понимаешь? Что я за эти месяцы пропустил — это в паху появилось.

(Продолжение следует)

Подсоветские интеллектуалы и религия

В последнее время исследователям положения религии в СССР значительно помогли отражением этой стороны советской жизни подсоветские писатели. Они показали нам двойственную картину: с одной стороны страшное, предельно-угнетающее всякую религиозную инициативу положение и с другой стороны — возрастающий интерес к вопросам религии, наличие ее убежденных сторонников.

Нам довелось познакомиться за это время со следующими советскими изданиями: Олесь Гончар (украинский писатель), "Собор", роман, напечатанный в ежемесячнике "Витчизна" в январе 1968 года; "Черные доски. Записки начинающего коллекционера" Вл. Солоухина, исключительно интересная повесть, опубликованная в журнале "Москва" № 1, за 1969 год; А. Солженицын, "В круге первом", роман, в котором есть две главы, особенно интересные для изучающих проблемы религии в СССР; и того же автора и тоже, конечно, запрещенный в СССР очерк "Пасхальный крестный ход". Он уже опубликован в Англии, напечатан в русской периодической печати, переводится на немецкий и другие иностранные языки.

Все перечисленные произведения показывают двойственную картину религиозной жизни в СССР. С одной стороны советские аппаратчики рабелепно и

тупо, но тщательно выполняют директивы власти по максимальному угнетению религиозной свободы. С другой стороны верующие не только непреклонно отстаивают свое традиционно-религиозное, но и осмысливают жизнь с учетом религии, распространяют ее принципы.

Изучая указанную, а также смежную светскую печать, можно заметить еще одно интересное явление: в массе заводская подсоветская молодежь — послушное орудие власти, она мобилизуется на организацию гульбищ вокруг православных храмов в Пасхальную ночь и ведет себя цинично и вызывающе. И тут же, если учесть данные атеистической печати, многие из этой заводской комсомольской молодежи крестят своих новорожденных, при этом не только по традиции, или под давлением родителей, но и по личным религиозным убеждениям.

В среде некоторой части интеллектуальной молодежи в СССР обращает на себя внимание повышенный интерес к проблемам религии. Атеистическая печать последнего времени пытается найти этому объяснение и вынуждена признать, что такие мыслители, как Вл. Соловьев, Бердяев, Лосский, Франк, Булгаков, не безразличны для современной молодежи. Любопытно также и то, что если в начале 60-х годов было невоз-

можно протолкнуть на сонскание ленинской премии картину, изображающую иконописным стилем Андрея Рублева и Даниила Черного, то сегодня в журнале "Огонек" помещается копия картины некоего А. Бизовкина "Андрей Рублев". Тема "Андрей Рублев" вообще давно привлекает к себе интерес и художников и поэтов в СССР. Об этом уже писалось. В журнале "Москва" обращает на себя внимание графика Гурья Захарова, изображающая уголки старой Москвы, где еще уцелели недоразрушенные храмы.

Можно думать, что в то время как рядовой подсоветский человек подчас просто сохраняет традиционное, как элемент самобытности, интеллектуалы, даже если их на протяжении многих лет укладывали в прокрустово ложе советского коммунистического воспитания, высвобождаются из него усилиями собственной воли и разума и начинают изучать все то, что было для них или "terra incognita", или "запрещенное". Подсоветские интеллектуалы находят в религии прежде всего мировоззренческую основу, философскую правду и направление для здорового социального движения.

На это указывают нам такие современные подсоветские поэты, как Римма Казакова, Ирина Озерова и даже приспособленец Евгений Евтушенко, особенно его недавними стихотворениями "Муки совести" и "Каннова печать", а также последние статьи в журнале "Наука и религия". ●

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

NICOLAS FEWR EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Sería interesante saber si hubo de recordarlo cuatro años más tarde, durante las horas de triste meditación, en su celda de incomunicado de la prisión de Nuremberg. En todo caso, le sobró tiempo para ello.

Los meses de otoño e invierno de 1941 fueron gastándose en tentativas desesperadas y vanas, para atravesar el impenetrable muro de la prepotencia, la imprevisión y la estupidez que rodeaba al Berlín oficial. ¿Pero, aquella paquidémica fue propia solamente del Berlín oficial? ¡No! Entonces, aquel optimismo de rinoceronte era tan difícil de destruir en un ministro que estaba por pronunciar un discurso más, como en el peluquero que dejaba a su cliente con una mejilla enjabonada, para poder escuchar entusiasmado ese mismo discurso.

(Continuará)

Конкурс МВД

Министерство Внутренних дел СССР и Союз советских писателей объявили первый всесоюзный конкурс на лучшее литературно-художественное произведение о жизни и деятельности работников МВД. Пройдет несколько месяцев, может быть год, и мы узнаем имя победителя. Из печати выйдут новые книги, повествующие о "патриотическом горении" наследников майора Пронина и Никола Кручинина, напишутся сотни рецензий, по книгам поставят фильмы. Любители детективно-приключенческого жанра получат новые острые ощущения. Конечно же эти ощущения никак не сравнимы с теми, которые испытывают сейчас авторы, ринувшиеся на разработку детективной темы. Министерство Внутренних дел намерено предоставить к их услугам материалы и документы, официально отражающие деятельность советских следователей, прокуроров, чекистов. О, в архивах МВД можно найти весьма интересные факты и подробности "борьбы за укрепление социалистической законности". Так как мы к этим архивам доступа не имеем, а литературно-художественных интерпретаций писателей ждать еще долго, то мы воспользуемся одним документом и приоткроем завесу тайны. Что за документ, — мы скажем позже.

Полковник Громов. Нет, этот солидный, знающий свое дело офицер, не какой-нибудь чиновник, просиживающий штаны в московской штаб-квартире

МВД, в доме № 6 на улице Огарева. Полковник Громов всегда в центре событий, на местах событий, в тесной связи с широкими народными массами. Более чем хорошо знают полковника Громова тысячи заключенных по всем концлагерям от Потьмы до Баранова. Полковник Громов — начальник управления Дубровлага. Жизнь его настолько богата разнообразными событиями, что о ней можно написать роман-трилогию. Первую часть романа можно посвятить началу служебной карьеры молодого еще Громова: сталинские времена. Громов — всего лишь начальник концлагеря, строящего в Омске нефтеперерабатывающий завод. Здесь он развивает кипучую деятельность. В Молдовин еще можно встретить его бывших питомцев — послушать их рассказы: кровь стынет в жилах и волосы встают дыбом. Уже тогда Громов зарекомендовал себя самодуром и садистом. Следы его борьбы за законность остались на теле многих политзаключенных.

Вторую часть романа-трилогии можно посвятить временам разоблачения сталинщины. Как и многие его коллеги, Громов слетает с насиженного местечка. Его не то, чтобы разжалуют или судят, его лишь слегка понижают. Однако, Громов не теряет веры в светлое будущее — он терпеливо ждет. И не зря. Позже он сам рассказывает, что "сверху" вышел ли совет, то ли указание писать жалобы, просьбы, чтобы восстановили на службе, восстановили бы доброе имя. Громов и прочие начинают толкаться по инстанциям. И вот...

Тут смело можно начинать третью часть романа. Заслуги Громова не забыть. "Доброе имя" самодура и садиста восстановлено. Громов — начальник управления Дубровлага. Зверства Громова возобновляются. И так до сегодняшнего дня. Если кто-нибудь из литераторов заинтересуется предложенной нами темой о жизни и деятельности полковника МВД Громова, то мы можем порекомендовать и первоисточник. Громов один из живущих и поныне персонажей, описанных в документальной повести молодого посоветского рабочего Анатолия Марченко "Мои показания". Марченко, несколько лет назад вышедший из советского концлагеря, написал потрясающую книгу, в которой сотни страниц уделены деятельности "доблестных работников МВД" — начальников концлагерей, тюрем, этапов, рядовых надзирателей и надсмотрщиков, солдат охраны. Марченко не пользовался архивами и рассказами — он прошел через все сам, страдал от голода, болезней, терпел побой и несправедливость, видел как умирали в концлагерях его товарищи.

Жаль, что книга Марченко не попадет на конкурс МВД — ее автор уже опять за решеткой. В. Ш.

В русской семье сдается
МЕБЛИРОВАННАЯ КОМНАТА
с большой террасой и пользованием
телефона.

Другие подробности по уговору.
Olivos, Barrio Roche. T. E. 740-3279

В СУББОТУ 7-го ИЮНЯ 1969 г. В 21 ЧАС
YACHT CLUB OLIVOS, Alberdi 415, Olivos

ЮБИЛЕЙНЫЙ БАЛ О.Р.Ю.Р.

- 2 ОРКЕСТРА
- ОБИЛЬНЫЙ БУФЕТ
- ЛОТЕРЕЯ
- НЕОЖИДАННОСТИ

Бальные или вечерние туалеты обязательны!

ВХОД — 500 песо. Лучшие столики на 8—10 человек — 2000 песо, на 4—6 человек — 1000 песо.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ И ЗАКАЗЫ НА СТОЛИКИ
ПО ТЕЛЕФОНАМ: 44-2061 — А. В. Баумгартен
44-6353 — И. Н. Шмитов
32-0473 — А. В. Баумгартен

По субботам от 9 до 20 часов в помещении О.Р.Ю.Р.:

CALLE BUENOS AIRES 2655, OLIVOS

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
и поступила в продажу книга
"ИВАНГОРОД В 1914 - 1915"
из воспоминаний генерал-лейтенанта
А. В. фон ШВАРЦ
с портретом и 2-мя картами в тексте.
166 стр. Цена — 4 дол.
Заказы адресовать:
Sra. A. V. von SCHWARZ
Combet 665, Villa Ballester, FNGBM
Prov. Buenos Aires - Rep. Argentina

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605
(Один квартал от станции подземки
Pueyrredón по линии Federico La-
croze).